

РЕЦЕНЗИИ

«КАНОН» ЛИТЕРАТУРОВЕДА-РУСИСТА ИРИНЫ ЗАХАРИЕВОЙ

Болгарский русист Ирина Захариева – автор свыше двухсот работ, связанных со спецификой развития русской литературы XX века. Человек многосторонний, влюблённый в своё дело, она обладает широкими познаниями по теории и методологии литературоведения. Свидетельством тому является монография-компендиум «Русский формализм и структурализм (Идеи и концепции двух методологических направлений в литературоведении XX века)» (2004), в которой рассматривается возникновение формализма на русской почве и его дальнейшее транспонирование в западные литературоведческие концепции.

С большой любовью Ирина Захариева относится к русской культуре, литературу знает и чувствует глубже многих отечественных учёных. О писателях, которые не были жалованы советским режимом, Захариева отзывалась первая.

Книга «Художественный синтез в русской прозе XX века (20-е – первая половина 50-х гг.)» – 1994, оказалась первой монографией, освещающей синтез как проблему в литературе XX века, до Ирины Захариевой об этом говорилось только в статьях Н. Лейдермана, В. Силенко. Синтез анализировался автором как специфическая система, складывающаяся, по наблюдениям учёного, из разновидностей романтизированного творчества, сатирических жанров, лирического начала, в результате утверждалось, что художественный синтез – доминантный признак прозы XX века. Проблема рассматривалась на широком материале творчества В. Набокова, А. Белого, А. Ремизова, Ю. Тынянова, Д. Андреева, Е. Замятина, Д. Хармса, М. Зощенко, А. Грина, И. Бабеля, М. Булгакова, А. Платонова, М. Пришвина и др.

Известны и другие работы Ирины Захариевой: «Проблемы советской литературы» (София, 1990), «Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры» (София, 2007). Она член Общества русистов Болгарии, в 2006 году награждена почётным дипломом «Золотая Муза».

Как учёного Захариеву хорошо знают и в других странах. Она активно печаталась в США, Словакии, Венгрии, Германии, Польше, не говоря о «Болгарской русистике». Много статей подготовила для чешского журнала «Opera Slavica» в городе Брно. В России её научная деятельность известна в Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других центрах (см., например, такие издания, как «Русское зарубежье – духовный и культурный феномен». М., вып. 1, 2, 2003, 2008 гг.). Печатается Ирина Захариева и в сборниках МГОУ: «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (М., вып. 4, 5), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» (М., вып. 2010, вып. 2012 гг.). Проблематика, которую исследуют члены кафедры русской литературы XX века МГОУ, близка и ей. Захариева не только один из авторов и участников конференций и сборников, но и автор рецензий: с удовольствием откликается на издания русских учёных (см. рецензию «Двухтомное собрание микроисследований о русской литературе XX века». М., 2008).

Всматриваясь в черты классической русской литературы на фоне славянской и мировой литературы, в последние годы она сформулировала проблему канонического облика рус-

ской литературы XX века. Начало было положено в монографии, вышедшей в 2008 году в Софии, – «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века». Достоинством книги является новизна подхода, выразившаяся в сопряжении «макро- и микромиров великих авторов», обозначенных ею как индивидуальные «творческие коды» в осмыслении традиций: «совокупность семантических и формальных признаков авторской системы». Для доказательства бытования русского литературного канона рассматриваются креативные модели образного мышления – от В. Брюсова, О. Мандельштама, М. Зенкевича и др. – до С. Довлатова, В. Шукшина, В. Распутина и др. Проанализирован материал творчества около 30 писателей, что позволило автору при помощи выработанной концепции связать воедино три потока русской литературы: официальную, потаённую и эмигрантскую.

Продолжением разговора, начатого автором в монографии «Аспекты формирования канона в русской литературе XX века», стала книга «Становление русской литературной классики III. Творческие новации писателей XX века»¹ (2012). Уже в предисловии Ирина Захариева чётко заявляет о своей позиции, отталкиваясь от понятия «канон», который «может быть, по её словам, уподоблен мощному магниту, притягивающему феномены художественности и формирующему из разнообразного массива образ литературы» (с. 7). О каноне говорится не только в метафорическом смысле, но и в буквальном, как о самой механике, как «*неписаной* закономерности культурных сцеплений» (с. 7). Автор считает, что устремленность к достижению канона «динамична», при этом «классика» воспринимается как «достигнутая статика», т. е. результативная оценка корпуса произведений, признаваемых каноническими» (выделение авторское, с. 7).

Работа строится на выдвинутом принципе канона, воздействующем, как утверждает Захариева, своей оригинальной образностью на глубинные смыслы, стиль, язык, но окончательному истолкованию не поддаётся. Извлекая доминанты канона из произведений разных писателей, автор создаёт своё пространство как основу для будущей признанной классики литературы XX века.

Не случайно книга открывается главой «Поэма Владимира Соловьёва “Три свидания” (с акцентами Даниила Андреева)». В ней труд Даниила Андреева «Роза Мира» рассматривается как метаисторический. И через призму его взглядов ведётся разговор о поэме В. Соловьёва и не только о ней, а в целом о духовном феномене Соловьёва-вестника и пророка, величайшего философа. Такой своеобразный зачин необходим автору для того, чтобы донести до читателя мысль, «как объект веры превратился для него в реальное воплощение идеала. Соловьёв хотел сделать религию жизнетворчеством» (с. 30).

Затем в поле зрения исследователя попадают как произведения признанных классиков – А. Блока, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, так и писателей, чьё творчество, завоевав признание современников, в полной мере стало достоянием российского читателя лишь в конце XX столетия – В. Хлебникова, Н. Гумилева, Б. Пастернака, М. Булгакова, О. Мандельштама, Д. Андреева и др. Автор обращается также к произведениям Н. Рубцова, Б. Ахмадулиной, Вен. Ерофеева, А. Синявского-Терца, И. Ефремова. Внимание Ирины Захариевой направлено на романы Ю. Нагибина – «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя. История одной любви», В. Аксёнова – «Новый сладостный стиль», Л. Улицкой – «Зелёный шатёр», на «альтернативную культуру метрополии» – произведения Е. Харитоновой, Ю. Дружникова, Н. Глазкова, А. Галича, А. Тарковского, Ф. Искандера, Б. Окуджавы, а также на постмодернистскую литературу: поэзию Д. Пригова, прозу Саши Соколова. Таким образом, в круг заинтересованности автора входят произведения XX века, заслуживающие не только читательского отзвука, но и серьёзного исследовательского подхода.

Достоинство работы состоит также в сравнительном и сопоставительном подходах к произведениям. По такому принципу построена глава «Мифологический сюжет “Орфей и Эвридика” в русской поэзии (М. Волошин, О. Мандельштам, М. Цветаева, В. Брюсов)». В ней Ирина Захариева вначале даёт понятие «орфизма» как религиозно-философской системы, утверждавшейся на основе аполлоно-дионисовского комплекса мотивов; обращается к легендарному певцу и музыканту Орфею, а затем анализирует сюжет о нём в стихотворениях М. Волошина 1901-1910гг., О. Мандельштама в книге стихов «Камень», «Tristia», М. Цветаевой – в цикле «Стихи к Блоку» («Как сонный и пьяный...» – 1922), «Орфей»–1921, «Эвридика – Орфею»(1923), В. Брюсова – раздел сборника «Венок» (стихотворения «Орфей и аргонавты», «Орфей и Эвридика»). У каждого из поэтов подчёркивается самобытность. В этом случае мифологический сюжет рассматривается как канон, который органично вписывался в поэзию Серебряного века и служил своеобразным кодом индивидуальной интерпретации, становясь выражением поэтического мира художника.

Интересно построена также глава «Два мифа о Сталине в творчестве писателей – его современников (Вл. Войнович, Д. Андреев)», в которой миф о Сталине Захариева относит к «тотемическим», строящимся «на древнейших представлениях о “фантастическом, сверхъестественном родстве” представителей человеческого рода с различными «тотемами» (с. 173). Затем анализирует его на примерах третьей книги о Чонкине, романе «Перемещённое лицо» (часть вторая «Превращения») и одиннадцатой книги из «Розы мира» («К метаистории наших дней»), делая вывод о том, что «прозаики советской эпохи Даниил Андреев и Владимир Войнович наполняли мифологические структуры социальной конкретикой» (с. 178).

Оригинальна по композиции глава о «синкретическом искусстве А. Вертинского», в которой идёт разговор и об эстрадном таланте поэта и композитора, и об его мемуаристике. Изложение материала ведётся на большом биографическом, искусствоведческом материале, подчёркивается карнавальность, комизм, драматичность как каноничные признаки его поэзии. «Песни Вертинского воспринимаются как исток российской бардовской поэзии» (с. 190), – заключает исследователь.

Ирина Захариева, страстный полемист, отстаивает с любовью и принципиальностью позитивный взгляд на наш общий предмет – русскую словесность. По её мнению, русская литература «развивается мощно и непредсказуемо», даёт необходимый материал для развития объективного и проникательного литературоведения, объединяющего усилия многих учёных.

Н.М. Щедрина

¹ Захариева Ирина. Становление русской литературной классики III. Творческие новации писателей XX века. – София, 2012. В дальнейшем в рецензии страницы указаны в скобках.